

Глава 4. Родня или союзники?

Лоу Цзян, столкнувшийся в дверях с хозяином комнаты, густо покраснел. Цю Бодэн стоял перед ним в наспех наброшенном верхнем одеянии, с распущенными волосами и заспанным видом. Его кожа казалась почти прозрачной, а у самого уголка глаза заалел след — сонная отметина, оставшаяся после глубокого сна, — напоминавшая небрежный мазок румян.

— Старейшина Цю! — господин Лю, увидев, что гость жив и здоров, почувствовал, как тяжкий груз свалился с его плеч. Он принялся без конца кланяться: — Простите за беспокойство! Виноват, потревожил!

Цю Бодэн окинул взглядом господина Лю, который, судя по всему, не смыкал глаз всю ночь, и с коротким «хлоп» снова закрыл дверь, бросив напоследок:

— Ждите.

Прозвучало это, впрочем, так, будто он велел им готовиться к смерти.

Группа людей застыла перед подрагивающей дверью. Клинок Хун едва не вылетел из ножен — мастер Фань уже готов был сорваться, но Лоу Цзян вовремя шикнул: «Тайи!». Фань с трудом подавил ярость, дюйм за дюймом задвигая саблю обратно. Эта школа, первая среди великих сект, славилась на весь мир своим выводком безумцев, фанатично оберегающих своих.

К счастью, ждать пришлось недолго.

Вскоре дверь распахнулась вновь. Цю Бодэн, уже одетый подобающим образом и с собранными волосами, вышел наружу, излучая волны тяжелого раздражения. Не обращая внимания на странные взгляды окружающих, он направился напрямик к господину Лю:

— Где моя тысяча золотых?

— А? — господин Лю растерянно моргнул.

Стоявший рядом мастер сабли отреагировал первым:

— Хочешь сказать, ты всё уладил? Эй, парень, если решил нажиться на чужой беде, делай это поумнее. Неужели великой школе Тайи совсем неведомо понятие чести?

— Господин Фань, давайте сначала послушаем, что скажет юный друг Цю, — попытался сгладить углы даос Сюаньцин, хотя в его голосе тоже сквозило недоверие.

— Где сейчас юная госпожа Лю? — спросил Цю Бодэн. — Ведите меня к ней.

В его манере говорить сквозила природная надменность, свойственная тем, кто привык отдавать приказы. Это могло бы показаться простым высокомерием, если бы не странная внутренняя сила, заставляющая людей подчиняться вопреки воле. Господин Лю, который до этого приглашал десятки мастеров и уже успел разочароваться даже в Сюаньцине и Лоу Цзяне, вдруг ощутил слабую искру надежды, в которую сам боялся поверить.

После того как Цю Бодэн вчера велел всем покинуть западный двор, господин Лю устроил дочь в комнате, расположенной ближе всего к божественному дереву Фу.

Когда они вошли, окна были распахнуты настежь, и тонкая ветвь Фу заглядывала внутрь. Обстановка в покоях была скромной, почти суровой. Единственным украшением служил ряд шаманских масок но, развешанных на стене. Навстречу вышла служанка. Пока остальные расспрашивали о состоянии А Жэнь, Цю Бодэн отошел в сторону, разглядывая маски.

— Госпожа проспала всю ночь, не металась и не кричала, — радостно доложила девушка.

— И кошмары её не мучили? — голос господина Лю дрожал от волнения.

— Нет!

— Позвольте мне взглянуть, — даос Сюаньцин, заметно удивившись, подошел к кровати, чтобы проверить пульс. Затем он одолжил у Лоу Цзяна Зеркало Лазурного императора, направив его свет на девушку, и изумленно выдохнул: — Странно... Вчера я видел, что её душа была расшатана, а внутренние органы ослаблены, хоть в теле и не было тёмной ци. Но сегодня... её сердце спокойно, дух крепок, а жизненные силы даже в избытке. Она здоровее любого обычного человека.

— Вы... вы хотите сказать... — господин Лю заикался от счастья, переводя взгляд на Цю Бодэна, стоявшего в стороне. — Старейшина, А Жэнь... она...

— Разбудите её.

Цю Бодэн продолжал изучать маски одну за другой, не оборачиваясь.

Ритуальные маски жрицы были выполнены мастерски: плавные линии, искусная резьба, тонкая полировка. Похоже, А Жэнь вырезала их сама. Четыре цвета — алый, серебристо-белый, золотистый и темно-коричневый — символизировали четыре стадии жизни дерева Фу: цветение, завязь, созревание плодов и листопад. Лик бога Фу на них был архаичным, не совсем человеческим, но преисполненным милосердия. Вися на стене, они не внушали страха, а

скорее пробуждали благоговение.

Цю Бодэн уже видел нечто подобное. Однажды, на аукционе в той, другой жизни.

Там была черная, покрытая золотым лаком маска. Суровая, величественная, с глубокими узкими прорезями для глаз. На фотографиях в каталоге она была запечатлена высоко на алтаре, в тени непроглядных первобытных джунглей. Нашедшие её авантюристы невольно пали ниц, и один из них дрожащими руками сделал снимок. Аукционист тогда распинался об её археологической ценности, а теологи и этнографы до хрипоты спорили, какому культу она принадлежала.

В шумном зале Цю Бодэн долго смотрел на ту маску за стеклом, и ему казалось, что на него в упор взирает древний орел. Словно это был не предмет, а живое существо, дремавшее миллиарды лет.

— Отец?..

Веки А Жэнь дрогнули. Все затаили дыхание. Наконец она открыла глаза — сначала взгляд её был рассеянным, но постепенно обрел ясность. Она негромко позвала отца.

— Проснулась! Очнулась!

За спиной поднялся шум. Цю Бодэн убрал руку, которую уже занес, чтобы коснуться маски, и обернулся. Увидев, как лицо господина Лю превращается в месиво из слез и соплей, он тут же передумал подходить ближе.

А Жэнь, издав лишь один этот звук, снова погрузилась в глубокий, целительный сон.

— Даос Сюаньцин! — господин Лю от избытка чувств едва не лишился чувств сам.

— Не беспокойтесь, она просто слаба. Ей нужен покой, — успокоил его даос.

Хозяин дома пришел в себя и, размазывая слезы, кинулся сквозь толпу. Цю Бодэн, заметив это, вовремя отступил на широкий шаг. Предусмотрительность оказалась нелишней: в следующее мгновение грузный господин Лю с рыданиями, напоминающими скрип несмазанной телеги, рухнул туда, где только что стоял юноша. Если бы Цю не отпрянул, торговец наверняка вцепился бы ему в ноги.

— Старейшина Цю! Живой небожитель! Жизнь моей дочери — ваша заслуга! Это величайшее благодеяние...

— Стоп, стоп, стоп!

Цю Бодэн почувствовал, как по коже поползли мурашки. Он всерьез опасался, что следующей фразой будет «предложение руки и сердца», и тогда его точно стошнит. Он резко выставил вперед свою обмотанную тряпицами старую железку, преграждая путь господину Лю.

— Рыдайте сколько угодно, но скидки не будет, — отрезал он холодным тоном. — Более того, за излишнюю эмоциональность — двойной тариф. Две тысячи золотых. Благодарю за сотрудничество.

Плач мгновенно прекратился.

Даос Сюаньцин негромко откашлялся и, поднявшись, торжественно сложил руки в жесте почтения перед Цю Бодэном:

— Я прожил долгую жизнь и привык считать себя мудрецом, стоящим выше мирской суеты. Но, как оказалось, и я поддался наветам и слухам. Юная госпожа спасена лишь благодаря вашему искусству, старейшина Цю. Отныне я буду твердо помнить: верить можно лишь тому, что видел собственными глазами.

Лоу Цзян, крутивший в руках свое зеркало, при этих словах едва заметно поморщился. При всем уважении к талантам «Маленького предка» Тайи, говорить об «ошибочности слухов» было явным преувеличением. То, какой хаос этот юноша устроил в городе вчера, едва успев сойти с корабля, не под силу обычному повесе.

— Признать ошибку — значит сделать шаг к истине. Такое смирение достойно похвалы, — внезапно отозвался Цю Бодэн.

Лоу Цзян резко обернулся. Услышать подобную учтивость из уст этого человека было почти пугающе. Но не успел он удивиться, как Цю продолжил с лукавой улыбкой:

— Это куда лучше, чем поведение некоторых твердолобых личностей, у которых в голове пусто, зато гонора — хоть отбавляй.

Он насмешливо взглянул на застывшего мастера Фаня.

— Я всегда говорил: самопознание — великая вещь. Если взялся за работу и не справился, стоит тихо перелезть через забор посреди ночи и сбежать, пока никто не видит.

Лоу Цзян и Сюаньцин, которые тоже «взялись и не справились», замерли с каменными лицами. Ожидаемо: одна добрая фраза Цю Бодэна была лишь прикрытием для десятка ядовитых стрел.

Лицо мастера Фаня сначала налилось багрянцем, а затем почернело от ярости.

— Впрочем, — Цю Бодэн не знал слова «хватит», — господин Лю обещал вознаграждение в сотню серебряных монет вне зависимости от результата. Так что не стоит удивляться, что некоторые явились сюда исключительно ради легкой наживы.

Сюаньцин и Лоу Цзян поняли: это была месть. Месть за то, что вчера они демонстративно его проигнорировали. Этот юноша обладал выдающимся талантом помнить обиды.

Мастер Фань, став мишенью для основной атаки, несколько мгновений задышался от негодования, не в силах ни возразить, ни ударить, и в итоге просто вылетел из комнаты, громко хлопнув дверью.

— Эй! Про сто серебряных забыли! — крикнул ему вдогонку Цю Бодэн. Мастер на пороге споткнулся, но лишь прибавил ходу.

— Хотел как лучше, а он даже «спасибо» не сказал, — вздохнул Цю. — Невоспитанный человек.

Лоу Цзян подумал, что в этот момент он окончательно перестал понимать значение слова «воспитанность».

— Что ж, — даос Сюаньцин лишь покачал головой с горькой улыбкой. — Раз уж старейшина Цю хочет нас отчитать, пусть отчитывает.

Цю Бодэн бросил на старика странный взгляд и, потеряв интерес к спору, направился к выходу. Он слишком хорошо знал таких, как Сюаньцин. Эти благообразные старики — воплощение принципов и морали, которые вечно читают нотации. Но стоило им вбить себе в голову, что в нем еще осталась капля совести, как они тут же начинали попытки наставить его на «путь истинный».

— Постой! — Лоу Цзян бросился следом. — Ты так и не объяснил, что произошло!

— Ни призрак, ни демон — суть марионетка, — Цю Бодэн по-хозяйски развалился в главном кресле парадного зала, обмахиваясь откуда-то взявшимся веером. Вид у него был на редкость беспечный.

Сюаньцин и Лоу Цзян замерли по бокам, внимая его рассказу.

— Юная госпожа Лю стала жертвой Теневой марионетки.

Марионетки — это искусственно созданные сущности. Материалы для них бывают самыми разными: от дерева и камня до металла и человеческой кожи. Но «Теневые марионетки» —

самые жуткие из них. Они не излучают ни темной энергии, ни запаха демонов, способны появляться в любом месте, лишенном света. Три тысячи лет назад они едва не погубили мир, пока Сто кланов Пустого тутовника и великие школы не сожгли все запасы Шёлка душ, необходимого для их создания.

Лицо Сюаньцина стало мертвенно-бледным:

— Старейшина Цю, с такими вещами не шутят! Теневые марионетки — это не сказка.

— А если я хочу шутить, что вы мне сделаете?

— Ты!.. — старик поперхнулся словами.

— Даос, — вмешался Лоу Цзян с хмурым видом, — возможно, старейшина Цю говорит правду. Недавно в нашем Павильоне Гор и Морей прошел слух: на Ночном рынке видели семена Шёлка душ.

— Что?! — Сюаньцин пришел в ярость. — Кто посмел торговать этой скверной?

— Если семена существуют, значит, марионетки снова могут быть созданы, — рассуждал Лоу Цзян. — Ужас Теневой марионетки не в её силе, а в способности сливаться с тенью жертвы, постепенно превращая самого человека в новую куклу. А Жэнь спасло лишь то, что она, как Дева-жрица, ежедневно молилась Фу. Её дух был неразрывно связан с божественным деревом.

— Но зачем кому-то пытаться подчинить обычную деревенскую жрицу?

Лоу Цзян и Сюаньцин инстинктивно уставились на Цю Бодэна. Тот лишь пожал плечами:

— Без понятия.

Он не лгал. Как заядлый читатель, он проглатывал главы со скоростью света, часто пропуская описания. То, что он вообще вспомнил фразу «Жрица города Фу пала от рук марионетки», уже было чудом.

«Знай я, что попаду в этот мир... — подумал он. — Я бы собрал лучших аналитиков и заставил их подетально разобрать сюжет, составив мне путеводитель по всем развлечениям этой вселенной. И отдельную группу по квантовой физике — чтобы придушить проблему попадания еще в зародыше».

— Есть дело поважнее, — понизил голос Лоу Цзян. — Раз была марионетка, значит, кукловод где-то рядом. Смерть тени не останется незамеченной.

— Нужно найти его и уничтожить! — решительно воскликнул Сюаньцин.

Цю Бодэн прервал их, сложив веер:

— Где ближайшая транспортная формация?

— В городе Жу, — машинально ответил Лоу Цзян.

— Сколько до него пути?

— Дня три... Погоди, зачем тебе?

Цю Бодэн поднялся, подхватил свой меч и вежливо поклонился присутствующим:

— Юная госпожа пришла в себя, долг исполнен, деньги получены. На этом я откланиваюсь. Надеюсь, больше не свидимся.

— Ты уходишь? — Сюаньцин не верил своим ушам. — Ты знаешь, что над городом нависла угроза, и собираешься просто бросить всё?

— Интересно вы рассуждаете, — искренне удивился Цю. — Скажите-ка, семья Лю мне родня или союзники?

Даос опешил:

— Ни то, ни другое...

— А город Фу платит дань школе Тайи или Павильону Гор и Морей?

— Павильону... — пробормотал Лоу Цзян.

— Вот и всё, — Цю Бодэн улыбнулся, легонько хлопнув веером по ладони. — Ни связей, ни обязательств. Какое мне до этого дело?

— Ты! — Сюаньцин вскочил, указывая на него дрожащим пальцем. Вся его недавняя благодарность испарилась, сменившись презрением. — Боги даровали нам силу не для прихотей! Защищать слабых в час нужды — это незыблемый закон любого заклинателя! Такие, как ты... ты просто позор нашего сословия! Отброс!

— То, что я — отброс и никчемный повеса, вроде бы ни для кого не секрет? — с вежливым

недоумением уточнил Цю.

Сюаньцин подавился воздухом.

— Погоди, — Лоу Цзян, слушавший их перепалку, вдруг спросил: — Ты ведь понимаешь, что сейчас в городе Фу начался Месяц миазмов?

— ...Месяц миазмов?

Улыбка сошла с лица Цю Бодэна. Он внезапно осознал, почему Меч Тайи в его руках сидел тише воды, ниже травы. Обычно это оружие, ревностно следившее за репутацией школы, уже давно должно было отвесить ему хорошую затрепину за такие речи.

— Вчера был последний день перед туманами, — с сочувствием произнес Лоу Цзян.

Условия жизни людей в мире «Хроник Богов» были суровы. За пределами городов клубилась густая пелена миазмов, кишущая нечистью. Жить можно было лишь под защитой таких святынь, как древнее дерево Фу. Год делился на периоды по плотности тумана. В Месяц миазмов пелена становилась настолько густой, что даже сильные практики не рисковали покидать защищенную зону. А в городе Фу просто не было никого, чьих сил хватило бы на такое путешествие.

Цю Бодэн на мгновение замолчал.

— Где тут ближайшая кузня?

— Ой!

Господин Лю, сопровождавший гостя к главному залу, вскрикнул, когда из дверей пулей вылетело нечто и врезалось прямо ему в живот.

— Стой, железяка! А ну вернись!

Цю Бодэн, чье алое одеяние пылало на солнце, выскочил следом.

Меч Тайи, словно живой, отскочил от мягкого живота торговца и уже собирался нырнуть в кусты, но чья-то рука преградила ему путь.

Это был стройный, высокий юноша в жреческом одеянии с широкими рукавами. Он перехватил

меч легко, почти не глядя, но когда его взгляд упал на преследователя, пальцы на рукояти судорожно сжались — так сильно, что костяшки побелели.

Лицо молодого жреца в миг превратилось в чистый лист. Словно он внезапно увидел того, кого никак не ожидал встретить в этом затерянном уголке мира.

<http://bllate.org/book/16967/1581179>